

Су Хуанянь нахмурил брови:

— Я пойду лично.

Инь Хуа снова заартачился:

— Небесный Владыка, а как же дела здесь, в Небесном мире?

— Не твое дело!

С этими словами Су Хуанянь поднялся и направился прямо в Залу Ухуа, оставив ошеломленного Инь Хуа стоять на месте — у того даже возможности возразить не осталось.

Раньше, если в Мире Людей не происходило чего-то из ряда вон выходящего, Су Хуанянь никогда туда не спускался лично — за последние несколько сотен лет такое случилось всего единожды. Но что с ним происходит сейчас? Чуть что — сразу в Мир Людей?

Решил пройти через испытание? Но он же — великий Небесный Владыка, какие еще испытания ему проходить?

Инь Хуа, разумеется, и ведать не ведал, что его Небесный Владыка собрался проходить испытание любовью!

Когда Су Хуанянь прибыл в Залу Ухуа, Линь Яньси как раз упражнялся с мечом. Недавняя поездка на гору Бучжоу преподала ему хороший урок: нужно стать очень сильным, чтобы защитить себя и других, иначе в любой момент тебя могут превратить в пыль.

Заметив Су Хуаняня, Линь Яньси тут же остановился, подбежал к нему мелким шагом и лучезарно улыбнулся:

— Учитель, почему ты пришел?

После того случая, когда Инь Хуа их неверно понял, их отношения с Су Хуанянем стали еще более близкими и доверительными.

Увидев Линь Яньси, Су Хуанянь заметно смягчился. Он достал платок и аккуратно отер мелкие капельки пота со лба ученика:

— Составишь мне компанию, следуем в Мир Людей.

Линь Яньси растерялся:

— Зачем в Мир Людей? Что-то снова случилось?

— Развлекаться!

Взять с собой Линь Яньси в Мир Людей он решил по трем причинам: во-первых, оставлять его одного в Небесном мире было тревожно; во-вторых, вдали от чужих глаз и назойливых небожителей можно было спокойно заняться тем, чем хочется; и в-третьих, ему просто не хотелось разлучаться с Линь Яньси.

Линь Яньси чувствовал, что немного перестает понимать своего учителя: в такое смутное для Трех Миров время — и вдруг отправляться развлекаться? Это совершенно не соответствовало его привычному стилю поведения.

Су Хуанянь, словно угадав сомнения юноши, добавил:

— В Мире Людей куда веселее, чем на небесах. Тебе давно стоило бы взглянуть на него, да и развеешься после поездки на гору Бучжоу.

Ну что ж, раз учитель приказал, спорить не было никаких причин.

Су Хуанянь взял Линь Яньси и направился напрямик в Хуаньчэн, где был тяжело ранен Чжу Цин. Хуаньчэн — город огромный, ныне это столица государства Миньюэ. Перед тем как получить ранение, Чжу Цин связался с Инь Хуа и сообщил, что находится здесь, но после этого связь с ним полностью оборвалась, и никаких вестей от него больше не поступало.

Линь Яньси впервые за свои восемьсот лет спустился в Мир Людей. В прошлый раз, во время похода на гору Бучжоу, они крутились лишь в ее окрестностях и даже деревень не видали, а теперь прибыли напрямик в столицу государства Миньюэ.

Об этом самом государстве Миньюэ Линь Яньси были понаслышке: из четырех нынешних великих держав Мира Людей остальные три уже успели сменить династии, и лишь государство Миньюэ стояло непоколебимо на протяжении тысячи лет. Тысячелетняя империя — почти как древнее государство Хуа восемь тысяч лет назад.

В те далекие времена, при государстве Хуа, Мир Людей уже был объединен, но ничто не длится вечно: после долгих лет единения наступает раздор, а после долгих лет раздора — вновь объединение. Неизвестно, в какой момент земли снова распались на части.

У государства Миньюэ были все возможности для объединения под своей властью всего мира, но почему они не сделали этого — оставалось загадкой для Линь Яньси.

Хотя небожители прекрасно обходились без еды, Линь Яньси был ужасным лакомкой. В Небесном мире их трапезы всегда были скромными, а временами Су Хуанянь и вовсе пропускал приемы пищи. Оказавшись в Мире Людей, он, разумеется, собирался перепробовать все местные деликатесы.

Поскольку они находились среди смертных, и Су Хуанянь, и Линь Яньси замаскировались. Они погуляли по окрестностям Хуаньчэня, однако Су Хуанянь не ощутил ни малейшего следа демонической или призрачной ци.

Если так, то кто же ранил Чжу Цина?

Всю дорогу Линь Яньси был занят только едой: в руках он держал всякие вкусности, а временами подсовывал то, что показалось особенно вкусным, Су Хуаняню. С тех пор как Су Хуанянь стал божеством, его вкусы были исключительно пресными, но Линь Яньси неизменно протягивал ему то безумно острое, то невыносимо кислые блюда, отчего тот морщился.

Стоило Линь Яньси повернуться к нему, как Су Хуанянь тут же натягивал на лицо улыбку и уверял, что это очень вкусно.

Наконец, вдоволь нагулявшись и наевшись, Су Хуанянь повел Линь Яньси искать постоянный двор.

Стоило трактирному слуге заметить двух элегантных молодых господ, как он тут же расплылся в улыбке и бросился навстречу:

— Достопочтенные гости, прошу внутрь!

По дороге слуга поинтересовался:

— Вам две комнаты?

Су Хуанянь бросил взгляд на Линь Яньси, который был полностью поглощен едой:

— Одной хватит. Побольше.

Слуга закивал, а после того, как были уплачены деньги, повел Су Хуаняня и Линь Яньси на второй этаж.

Комната располагалась на втором этаже и выходила окнами на улицу. Стоило распахнуть створки, как открывался вид на суетящуюся внизу толпу. Линь Яньси остался очень доволен и сладко потянулся:

— Учитель, ты живи в этой комнате, а я пойду в другую!

Су Хуанянь невозмутимо ответил:

— В постоялом дворе осталась всего одна комната.

Трактирный слуга: «?..»

Разве не ты сам только что просил одну большую комнату?

Слуга сглотнул слюну. Он хотел было сказать, что свободные номера еще есть, но заслужил такой взгляд Су Хуаняня, что слова застряли у него в горле. Тогда он с лучезарной улыбкой подтвердил слова гостя:

— Верно, осталась ровно одна комнатка.

— Что ж, тогда отдыхайте, а если что понадобится — сразу зовите меня, — выпалил слуга и поспешно ретировался. Отчего это ему вдруг стало так совесно за свою ложь?

Как только слуга исчез за дверью, Линь Яньси озадаченно почесал в затылке:

— Учитель, как же нам делить одну кровать? Может, ты ляжешь на постели, а я устроюсь на полу?

Су Хуанянь подошел к кровати, прилег на нее и позвал:

— Иди сюда, ложись вместе со мной.

Линь Яньси сглотнул слюну. Он и сам не понимал, почему тело вдруг охватил такой жар. Шагнув к кровати, он забрался на нее: Су Хуанянь лежал с краю, так что Линь Яньси пришлось перебираться через него, чтобы лечь у стены.

Для Линь Яньси это был первый опыт делить постель с Су Хуанянем. И хотя учитель утверждал, что они знакомы уже несколько тысяч лет, сам Линь Яньси не помнил из прошлого ни единого мгновения, так что волнение было вполне естественным.

Ладони Линь Яньси мгновенно вспотели.

Су Хуанянь протянул руку и крепко сжал ладонь Линь Яньси. Голос его звучал хрипло и сдержанно:

— Яньси, я наконец-то дождался этого дня.

Никто в целом свете не знал, каково Су Хуаняню пришлось за эти тысячелетия. Он и сам не представлял, как пережил годы разлуки без Линь Яньси.

Но к счастью, все тяготы остались позади.

Стоило Су Хуаняню сжать его руку, как по телу Линь Яньси пробежала искра, словно от удара током. Он повернул голову и выдохнул:

— Учитель!

Голос звучал хрипло и надломленно.

Су Хуанянь отозвался:

— Мм?

Линь Яньси на миг замер. Дышать стало тяжело, и он сдавленно произвел:

— Мне так... томительно.

Услышав это, Су Хуанянь больше не смог сдерживаться. Резко перевернувшись, он навис над Линь Яньси всем телом.

Уткнувшись носом в его шею и щеку, Су Хуанянь тихо прошептал:

— Яньси!

Линь Яньси, до конца не понимая собственных чувств, полностью доверился зову сердца: он зарылся лицом в изгиб чужой шеи и до боли прикусил кожу.

Этот укус окончательно сорвал с Су Хуаняня все преграды. Взглянув на Линь Яньси горящим взором, он впился в его губы — это был страстный, властный поцелуй, стирающий все на своем пути, словно в нем мужчина пытался выплеснуть накопившийся за тысячелетия огонь.

Этой ночью звуки и стоны сплелись воедино: кто-то то и дело жаловался на боль и в то же время умолял не останавливаться.

А на тумба ярким пламенем горели свечи, отбрасывая на стену тени двух сплетшихся тел, которые даже в самый исступленный миг не желали разомкнуть объятий.

Лишь глубокой ночью Небесный Владыка наконец унял огонь, что жег его душу целых восемь тысяч лет.

<http://bllate.org/book/19235/1887195>